

ФІЛОСОФІЯ ІСТОРІЇ

УДК 930.1:1

DOI <https://doi.org/10.24195/spj1561-1264.2020.1.8>**Воловчук Наталия Николаевна**кандидат философских наук, преподаватель
Украинской инженерно-педагогической академии
ул. Университетская, 16, Харьков, Украина**КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ
НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА**

Актуальність проблеми зумовлена складною взаємодією епістемології та історії. Завданням роботи є встановлення положення історичного пізнання, виявлення наслідків його розвитку з метою завдання певної перспективи теоретичної основи історичної науки на основі виявлення особливостей гносеологічного, методологічного й теоретичного характеру сучасної історичної науки з урахуванням можливостей її віднесення до класичної, неklasичної й постнеklasичної наукових парадигм. Методами дослідження проблеми стали об'єктивність, системність, конкретно історичний і діалектичний підхід у дослідженні особливостей історичної науки. У процесі дослідження автор дійшов висновку, що внесок неklasичної й постнеklasичної науки в розвиток історії значний, водночас головне завдання історичного пояснення та інтерпретації не може бути відкинуто, воно є необхідним підходом, в основі якого лежать причинно-наслідкові моделі, здатні подолати релятивізм, обмеженість усередині дисциплінарного дискурсу, вузькі межі суб'єктивності й інтертекстуальності. Крайнощі метаісторичного, модерністського й постмодерністського підходів, які націлюються на пошук всеосяжних інтерпретаційних схем (метаісторизм), наполягають на відсутності сенсу в історії (модернізм), фрагментарності свідомості, на потребі звільнити розум та уяву, відмові від ціннісних орієнтацій, стверджується позитивістська нейтральність історичної події, фікціональність історичної розповіді (постмодернізм), долаються історизмом ХХІ століття, що націлює історика на пошук у минулому об'єктивної основи для дій у сьогоденні й орієнтує на універсальне й загальнозначуще. Основним завданням історика має стати створення історичних праць, котрі орієнтуються на наукову методологію, загальну для істориків, незалежно від їх ціннісних установок та орієнтацій. Звідси необхідність плюралізму історичних пояснень та інтерпретацій, взяття до уваги специфіки історичної аргументації й розуміння того, що історична реальність не проста й доступна для поверхневого розуміння, а складна, багатогранна й вимагає глибокого аналізу. Таке розуміння є необхідною передумовою зрілого соціально-економічного й політичного дискурсу.

Ключові слова: філософія історії, епістемологія, гносеологія, методологія, наукова парадигма.

Введение. Общественное сознание обращено к исторической проблематике для получения исторических экстраполяций и интеллектуально обоснованных ответов на вызовы современности. С одной стороны, историческая наука предлагает определённые объяснительные схемы исторического развития общества, накапливает прагматически-утилитарный социальный опыт людей. С другой стороны, в рамках философии истории предлагаются различные модели и установки, способные, по мнению их авторов, преобразовать общество. Говорить о развитии исторической науки вне философского анализа сегодня невозможно. Философский анализ исторической науки представляет собой концептуально и логически ориентированную форму видения человеческих проблем в ходе исторического развития. Исследование гносеологических и методологических возможностей исторических наук позволяет установить положение исторического познания, выявить его последствия и задать определённую перспективу теоретическому основанию исторической науки.

Актуальность проблемы обусловлена непростым взаимодействием эпистемологии и истории, «историческая эпистемология» привлекает внимание не только классиков философской мысли, но и современных исследователей исторической науки. В середине XX века К. Ясперс писал: «В настоящее время происходит как будто изменение нашего исторического сознания. Великое дело научной историографии продолжается. Однако теперь перед нами встаёт вопрос, как ввести существующий материал в новые формы, насколько он пригоден для того, чтобы, будучи очищен в горниле нигилизма, мог преобразоваться в единый прекрасный язык вечных начал <...> То, как мы представляем себе историю, уже не безразлично. Смысл нашей собственной жизни определяется тем, как мы определяем своё место в рамках целого, как мы обретаем в нем основы истории и её цель» [1, с. 271]. Исследователи начала XXI века подчёркивают, с одной стороны, утрату интереса к фундаментальным философским проблемам в современной исторической науке, с другой – важность осознания методологических и гносеологических проблем в исторической науке. Так, например, Л.П. Репина пишет: «Траектория развития исторической науки в последней трети XX – первом десятилетии XXI века показала всю контрпродуктивность отчуждения «практикующих» историков от теоретических построений и обобщений, от серьёзного анализа своего категориального аппарата и обсуждения проблем эпистемологии и методологии» [2].

Цель и задачи. Цель и задачи работы – установить положение исторического познания, выявить последствия его развития и задать определённую перспективу теоретическому основанию исторической науки на основе выявления особенностей гносеологического, методологического и теоретического характера современной исторической науки с учётом возможностей её отнесения к классической, неклассической и постнеклассической научным парадигмам.

Методы исследования. Методами исследования являются объективность, системность, конкретно исторический и диалектический подход в исследовании особенностей исторической науки в рамках классической, неклассической и постнеклассической научных парадигм.

В XIX веке в рамках классического сознания развивались два разнонаправленных направления – позитивизм и идеализм (некоторые исследователи предпочитают термин «герменевтика» (например, Г.Х. фон Вригт). Распространение позитивизма было обусловлено влиянием научного метода. Считалось, что основная задача историка – это индуктивный сбор фактов, подлинность которых подтверждается в ходе критического анализа первоисточников. На эти факты, в конечном счёте, и опираются объяснения и интерпретационные схемы прошлого. Идеалистическое направление вводит методологическую дихотомию объяснения и понимания, подчёркивает ограниченность применения индуктивного метода в историческом исследовании и акцентирует внимание на роли человеческих чувств, намерений и ментальных установок на интерпретационные схемы историков.

В рамках классической исторической науки были сформулированы метаисторические схемы развития человечества: религиозная версия, берущая начало в философии Августина; Просветительская идея поступательного развития человечества; исторический материализм, рассматривающий историю как поступательное движение общества от низших способов производства к высшим. Метаисторический подход акцентирует внимание на ценностных установках исторического объяснения – религиозных, общечеловеческих и так далее. В то же время метаисторический подход, отдавая предпочтение абстрактным интерпретационным схемам, не замечает множества конкретных исторических концепций.

Современное классическое сознание, получившее название историцизм, преодолевает крайности позитивистской, идеалистической и метаисторической установок. Основными чертами историцизма становятся: признание уникальности проявлений человеческого духа (культура, ценности) на всех этапах человеческой истории; рассмотрение истории как средства к пониманию мира; введение принципа объективности, рассматриваемого как попытка выяснения, как все происходило на самом деле, и создающего реальную основу для понимания сути радикальных инициатив; учёт когнитивной составляющей исторического познания. Так, например, польский историк К. Помьян, который считал, что человеческая память, субъективная по

своей природе, является интерпретацией объективно происходящих событий, писал: «Сегодня мы нуждаемся в истории, которая сделала бы центром своих исследований взаимодействие между познанием, идеологиями, письмом, короче, различные и дисгармоничные аспекты работы историка. Это такая история, которая смогла бы перекинуть мост между историей наук, историей философии и литературы, а возможно, и искусства. Точнее, между историей познания и историей различных способов его производства» [3, с. 14].

В рамках классической парадигмы английский историк Дж. Тош выделяет три основных принципа исторического сознания: принцип различия, признающий специфику материальных условий и ментальных установок предыдущих и нынешних поколений; принцип контекста, позволяющий за счёт погружения в исторические обстоятельства объяснять различия; принцип процессуальности, связывающий исторические события во времени и придающий этим событиям смысл. Три основных принципа исторического сознания в совокупности предлагают не универсальную схему, но позволяют накапливать конкретную практическую информацию, совместимую с историческим сознанием.

Неклассическая научная парадигма подчеркивает плюрализм научной истины, релятивистский характер знания, обусловленного его связью с выбранной теорией, ее понятийным аппаратом и языком. Плюрализм, релятивизм имеет свои специфические формы в исторической науке. Так, при изучении исторического прошлого отсутствует прямое наблюдение предмета изучения. Анализ событий, деятельность субъектов истории, выявление тенденций и особенностей традиций прошлых событий для формирования исторической реальности осуществляется на основе исторических источников, информация которых, как отмечают Дж. Тош и К.В. Хвостова, субъективна по своей природе. Преодоление этой субъективности в рамках классической парадигмы, отмечает К.В. Хвостова, возможно посредством введения множества неформализованных исторических концепций, которые определяют интерпретационную эвристику. Выбираемая объяснительная схема, соответствующая определённому уровню исторического дискурса, позволяет акцентировать разные стороны социального бытия и придавать им разную значимость. Таким образом, с одной стороны, допускается определённая свобода выбора интерпретационных эвристик при решении поставленных задач. С другой стороны, интерпретируемый исторический источник обеспечивает определённую общезначимость исследования [4]. Немецкий философ К. Ясперс в духе универсализма утверждает, что история открыта и бесконечна для будущего, а выступая как совокупность прошлых событий, она – открытый для интерпретаций «мир смысловых отношений».

Можно сказать, что плюрализм интерпретационных эвристик сближает историцизм с неклассической научной парадигмой, но в то же время подразумевает и определённую общезначимость исторического представления на основе работы с историческими источниками. В рамках неклассической исторической науки история предстаёт как совокупность случайных событий и ошибок. Наличие какого-либо смысла или ценностной интерпретационной схемы отвергается. Со времён Французской революции считается, что незнание истории способствует освобождению разума, появлению творческой свободы и развитию воображения. Такое видение исторической науки приводит к отказу от притязаний на её практическую значимость и полезность.

В середине XX века в пределах аналитического направления философии истории разгорелась дискуссия о гносеологическом статусе объяснения в исторических науках. К. Поппер и К. Гемпель считали, что объяснение в исторической науке не может возводиться на основе интуиции, эмпагии. Оно должно строиться на базе гипотетико-дедуктивного или дедуктивно-номологического метода, в основе которого лежит представление, что история представляет собой сложную комбинацию простых закономерных процессов. К. Гемпель развивает подводящую теорию объяснения, которую также называют теорией охватывающего закона, в духе позитивизма Конта-Милля: общие законы занимают в гуманитарных областях знания такое же место, что и в естествознании. Гемпель рассматривает две подмодели объяснения: дедуктивно-номологическую и индуктивно-вероятностную. При этом исторической науке

дедуктивно-номологическая подмодель всегда может быть применена. Основная функция её заключается в объяснении необходимости (причины) появления исторических событий [5].

Факт того, что подводящая модель объяснения редко используется историками, К. Гемпель связывает с тем, что наше знание универсальных законов, которые очень сложны, недостаточно точно, поэтому историческая наука предлагает нам лишь зарисовку объяснения. Историческое объяснение, считает К. Гемпель, «может быть вполне ярким и убедительным и основная схема его в конечном итоге может быть расширена с тем, чтобы увеличить убедительность аргумента с помощью более полной формулировки объяснительных гипотез» [6, с. 61]. К. Поппер, наоборот, считает, что исторические закономерности просты, потому и не заслуживают прямого упоминания в трудах историков.

В рамках дедуктивно-номологической подмодели объяснения влияние таких факторов, как интуиция, эмпатия, не учитывается, но осуществляется формализация явлений, их взаимосвязей и отношений для обеспечения общности и более чёткого их понимания. Другие способы классификации и получения знания в пределах дедуктивно-номологической модели не отвергаются. С другой стороны, аналитическая герменевтика и философия языка продолжили идеалистическую традицию антипозитивизма и предложили свои гносеологические эталоны исторического объяснения. Центральной проблемой герменевтики стали проблемы языка и связанные с языком такие понятия, как «значение», «понимание», «интерпретация», «интенциональность». При этом, как отмечает Г.Х. фон Вригт, «“Понимание”, являющееся предметом рассмотрения герменевтической философии, следует отличать от вчувствования, или *Einfühlung*, поскольку оно рассматривается скорее как семантическая, а не как психологическая, категория» [5, с. 67].

Г.Х. фон Вригт отмечает трансформацию научного метода в истории идей – каузализм. Финский философ отрицает возможность компромисса между двумя основными подходами – каузальным и телеологическим. В то же время не исключён взаимообогащающий диалог между этими позициями.

М. Кукарцева отмечает слабости теоретических концепций Гемпеля-Поппера-Вригта и считает, что они не являются адекватными средствами анализа истории, так как «эпистемологическая природа этих двух подходов не сумела осуществить реальную демаркацию трёх уровней исследования истории: анализ собственно исторического прошлого; анализ языка истории, необходимый для отображения этого прошлого; философскую рефлексию над прошлым» [7].

Задача исторического объяснения в рамках классической парадигмы – раскрыть особенности субъективной и объективной обусловленности исторического процесса, представить философскую рефлексию, увидеть историю как процесс, а не набор событий. Историк с целью получения обоснованных исторических экстраполяций, удовлетворяющих критериям научности (истинность, доказательность, предсказательная определённость), выявляет тенденции, анализирует причины и следствия, предлагает определённую перспективу, которая может служить основой современного дискурса. «Откликнуться на «призыв современности», – пишет Дж. Тош, – «не значит фальсифицировать или исказить прошлое – это значит воскресить те аспекты прошлого, которые могут больше нам сказать именно сейчас» [8]. Множество исторических объяснений формируют историческое сознание и оберегают общество от вредного воздействия исторических мифов.

Плюрализм объяснительных эвристик приводит к возрастанию роли исторической аргументации. В рамках классической парадигмы при формировании единого основания исторической аргументации особое внимание уделяется такому фактору, как отсутствие ряда изначально предполагаемых данных, умолчаниям и «контрпримерам», которые способны стать элементами новых возможных областей исследования. Для объяснения данных, противоречащих первоначальной гипотезе, исследователь вводит дополнительную гипотезу, призванную пояснить суть возникших противоречий. «Исследователь, – отмечает Дж. Тош, – должен быть готов скорректировать свою первоначальную цель в свете вопросов, которые непосредственно возникают из работы с источниками» [8].

Неклассическая научная парадигма учитывает когерентность характеристик объекта и средств познания, применяемых субъектом исторического познания, постнеклассический подход пытается учесть целевые установки субъекта. Если неклассическую науку определяют такие категории, как плюрализм, релятивность, изменчивость, научные революции, фальсификация научного знания, конкуренция научных концепций и теорий, некумулятивный характер развития научного знания, то основными чертами постнеклассической науки стали: конструктивность научного познания и знания, контекстуальность научного знания, культурологичность реальной научно-познавательной деятельности и её результатов, коммуникативность научного познания, метафоричность научного знания (научное знание в существенной степени метафорично и условно), консенсуальность научных истин [9]. Все эти характеристики являются также методологическими установками постмодернистской альтернативы научного знания. Применительно к исторической науке постмодернизм подчёркивает плюралистическую природу любого знания и главенство языка над опытом. Как правильно отмечает К. Илмаз, «постмодернизм призывает историков учитывать онтологический разрыв между прошлым (или тем, что происходило в прежние времена) и историей (или письменными отчётами о прошлом), обращать внимание на роль языка и субъективность в построении исторических знаний» [10].

Современная теория языка была сформулирована Ф де Соссюром, утверждавшим, что язык, а именно речь и письмо, не отражают реальность, а являются лингвистическими структурами со своими собственными законами. Эти структуры определяют наше представление о мире. Научное познание в целом и историческое познание в частности выражается с помощью естественного или искусственного языка. И поскольку оно может быть представлено текстом, постольку научное знание выглядит текстом, который оказывается частью более широкого текста культуры. Промежуточный текст и область значений – скрытый текст – обеспечивают связь с другими текстами.

В духе постмодернистской альтернативы научного знания все известные отношения действительности могут быть представлены текстами. Исторический метод также возможен только в границах текста. Интерпретационная точка отсчёта историка формируется из языковых ресурсов толкователя. Утрата историком (литератором, критиком) своего особого положения выражена Р. Бартом в его работе «Смерть автора». Постмодернистская деконструкция текста и сосюровское разграничение означающего и означаемого позволяет предвидеть множество различных пониманий и прочтений текста, при этом ни один из этих вариантов не лучше и не хуже других. Каждый текст, по М. Фуко, является частью «дискурса», который является не просто неким образцом использования языка, но и формой власти. Языковая неопределённость и текстовый характер знания, выявленные лингвистикой, имеют пагубные последствия для исторической науки. Как отмечает Рафаэль Сэмюэль, «История превращается в «парад означающих», притворяющихся собранием фактов» [8].

Нарративный характер исторического повествования стал предметом анализа конструктивизма, герменевтики, феноменологии и других философских направлений. Считается, что исторический нарратив творится людьми в настоящем и зависит от уровня знаний исследователя, его интересов и ценностных установок. История – это не только прошлое, но и попытка осознать будущее, поэтому, выделяя события, систематизируя факты, историк создаёт историческое повествование с целью воздействия на индивидуальное и коллективное сознание. Нарративы психосоциальны, они несут груз национальной или этнической идентичности, что снижает к ним доверие. Можно сказать, что нарративность исторического повествования поднимает проблему факта и фикции. Сам термин «фикция» означает нечто придуманное, то, что существует в силу нашего общего соглашения действовать так, словно оно на самом деле имеет место быть.

Принятие точки зрения, что историческое познание есть не что иное, как литературное творчество, а историк – это писатель или поэт, отодвигает историческую науку на задний план и по большому счёту объявляет недействительной. Историческое познание

превращается в фикцию, поддерживаемую коллективным сознанием. Британский историк Р. Эванс считает, что постмодернистский подход, его акцент на лингвистике заменяет «факты» и «причины» дискурсами и тем самым колеблет фундамент исторической науки [11]. Утверждение постмодернизма о «фикциональности» исторического повествования отчасти может быть преодолено аргументацией Э.Х. Карра. Нарративная форма, считает историк, присуща любому человеческому действию и сама человеческая жизнь – это история, которую люди проживают и рассказывают себе и другим. Природа времени этого мира также нарративна, это не проживание от одного момента к другому, это воспоминание того, что было и проектирование того, что будет.

Субъективность и неопределённость, появляющиеся при прочтении текстов, могут быть преодолены обращением к внетекстовой реальности: «Каким бы ни был соблазн представить все известные отношения действительности связями текстов, – пишет В.В. Будко, – не удаётся уклониться от скрытого или явного принятия представлений о природе (скрытой сущности, происхождении, назначении и так далее) текста. Разумеется, это представление – тоже текст, но он призван заявить о картине действительности: исчерпывается ли она текстовой реальностью или включает, наряду с текстовой, внетекстовую реальность, то есть требует дополнение текста внетекстовой реальностью (иначе текст теряет смысл)» [12, с. 224–225]. Применительно к исторической науке Дж. Тош отмечает, что, несмотря на хорошую аргументацию в пользу самостоятельности и нерепрезентативности языка, обыденная практика показывает, что язык отлично работает, когда нам нужно точно передать информацию и усвоить смысл произнесённого. Эти практические функции язык выполняет в настоящем, поэтому можно предположить, что в исторических документах, с которыми работает историк, язык можно воспринимать подобным образом [8].

Английский исследователь П. Брикли, анализируя дискуссию между постмодернистами и эмпирическими историками, отмечает, что постмодернисты вполне справедливо «подчеркивают, что интеллектуальный контекст создания знаний в наше время подразумевает новые минимальные стандарты исторического объяснения. Они несколько различаются по тому, какими они могут быть – например, от лингвистики Уайта и Анкерсмита до политики Дженкинса, – но общим фактором является то, что эти стандарты должны привлекать историков, способных объяснить, как и почему они интерпретируют доказательства так, как они». В то же время, продолжает П. Брикли, «несмотря на изощренность, которую постмодернисты привносят своим пониманием интерпретационного процесса, их собственный пробел в том, что они, кажется, не хотят признать, что характер их вклада в продолжающиеся изменения в исторической методологии является лишь одним из возможных, а не принципиально сущностным, как они утверждают» [13].

Синергетика узаконивает идеи постмодернизма, утверждая новое мировоззрение и предлагая свою методологию познания. В ней происходит деонтологизация исторического знания за счёт усиления роли субъекта в познавательном процессе; критерии разграничения между реальным и вымышленным размываются; бытие предстаёт как полионтологичное. По мнению А.П. Назаретяна, синергетический подход в исторической науке позволяет с помощью современных компьютеров просчитывать «пространство исторически возможных (виртуальных) миров на всем протяжении социальной, биологической и космофизической «эволюции», при этом ясное представление о вероятностных контекстах каждого реализовавшегося сценария помогает обобщенный исторический опыт кризисов, факторы их углубления и разрешения» [14]. При этом необходимо принять во внимание особую роль историка в математическом моделировании. Историк закладывает определенные допущения и, проводя качественный содержательный анализ, пытается определить правомерность их применения в каждом конкретном случае. Наличие обоснованных допущений в области социально-экономической и политической истории при анализе пространственно-временных тенденций позволяет достаточно широко применять математические методы.

Необходимо учитывать ограниченность синергетического подхода в исторической науке. Иерархические системы и подсистемы, которые изучает историческая наука, не могут быть полностью объяснены с помощью синергетической парадигмы. Как отмечает К.В. Хвостова, с одной стороны, в современном глобальном обществе новое равновесное состояние возникает в результате влияния внешних факторов. С другой стороны, оно являлось и является следствием управленческой и реформаторской деятельности представителей властных структур [4].

Ряд авторов поднимают вопрос о целесообразности использования понятий синергетики (динамический хаос, кооперативные эффекты, аттрактор, бифуркация и так далее) в исторической науке. Так, например, Е. Топольский считает, что теория хаоса может только обогатить язык исторической науки новыми терминами и метафорами, так как не предлагает объяснений, которые были бы глубже фактографического описания истории [14].

Что касается предсказательной силы синергетики и исторической науки, то здесь обе имеют трудности. Синергетические эффекты в своих отдалённых последствиях не могут быть предсказаны, а в истории предсказание и прогноз не являются конечной целью исторического исследования. Э.Х. Карр считает, что исторические прецеденты помогают нам понять, при каких условиях происходят те или иные ключевые исторические события, но ответить на вопрос, произойдёт ли историческое событие в данный момент или нет, мы не можем. Состояние неуверенности – основное условие человеческой жизни, а контроль над будущими событиями – это иллюзия [15]. В то же время прогнозирование должно быть неотъемлемой чертой исторической науки, как отмечает К. Ясперс, «в основе нашего видения будущего должно быть научное проникновение в прошлое, а также непредубеждённое постижение настоящего» [1, с. 155].

Результаты. Классическая научная парадигма нацеливает историческую науку на поиск универсального, всеобъемлющих ценностных установок, акцентирует внимание на установлении причинно-следственных закономерностей в истории, учитывает плюрализм интерпретационных эвристик, оценивает её предсказательную силу и ориентирует на практическую значимость. Неклассическая научная парадигма привлекла внимание к таким феноменам исторической науки, как субъективность, воображение, индивидуальная и коллективная память, язык и культура, специфика исторического объяснения. Важная роль этих явлений в развитии исторической науки заставляет историка обратить более пристальное внимание на ядро исторического исследования. Положительными аспектами критики исторической науки с позиций постнеклассической парадигмы можно считать следующие. Во-первых, признание, что исторические труды являются разновидностью литературного творчества, что в свою очередь предъявляет такие требования, как наличие творческих нарративных и строго аналитических способностей у историка. Во-вторых, учёт возможности возникновения исторических фикций требует обращать внимание не только на итоговую конструкцию исторического знания, но и на процесс исторического конструирования. В-третьих, понимание того, что создание исторических трудов отнюдь не невинное и независимое от политических влияний занятие. В-четвёртых, отвержение кумулятивной социально-линейной схемы модели истории и рассмотрение её как открытого, изменчивого процесса, предполагающего выбор.

Выводы. Вклад неклассической и постнеклассической науки в развитие истории значителен, вместе с тем главная задача исторического объяснения и интерпретации не может быть отброшена, она является необходимым подходом, в основе которого лежат причинно-следственные модели, способные преодолеть релятивизм, ограниченность внутри дисциплинарного дискурса, узкие рамки субъективности и интертекстуальности. Крайности метаисторического, модернистского и постмодернистского подходов, нацеливающих на поиск всеобъемлющих интерпретационных схем (метаисторицизм), настаивающих на отсутствии смысла в истории (модернизм), фрагментарности сознания, необходимости освобождения разума и воображения и отказе от ценностных ориентаций, позитивистской нейтральности исторического события, фикциональности исторического повествования (постмодернизм) преодолеваются историцизмом XXI века, который нацеливает историка на поиск в прошлом объективной основы для

действий в настоящем и ориентирует на универсальное и общезначимое. Основная задача историка – это создание исторических трудов, которые ориентируются на научную методологию, общую историкам независимо от их ценностных установок и ориентаций. Отсюда необходимость плюрализма исторических объяснений и интерпретаций, учёт специфики исторической аргументации и понимание того, что историческая реальность не проста и доступна для поверхностного понимания, а сложна, многогранна, требует глубокого анализа и является необходимой предпосылкой зрелого социально-экономического и политического дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. Москва : Политиздат, 1991. 527 с.
2. Репина Л.П. «Историографическая революция» и теоретические поиски на рубеже веков / «Revolution in historiography» and theoretical elaborations at the turn of the centuries». *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2013. Выпуск 2(18): Теория и методология современной исторической науки / отв. ред. Л.П. Репина, 2013. Дата обращения 20.06.20 Электронный ресурс: https://www.academia.edu/11667165/Revolution_in_historiography_and_theoretical_elaborations_at_the_turn_of_the_centuries.
3. Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография / под общей редакцией З.А. Чеканцевой. Москва : Аквилон, 2019. 416 с. (История истории. Шаг в XXI век [Т. I] / отв. ред. серии – З.А. Чеканцева, М.С. Петрова).
4. Хвостова К.В. Современная неклассическая научная парадигма и историческая наука. *Вопросы философии*. 2014. № 10 С. 25–36. Дата обращения: 20.06.20 Электронный ресурс: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1031&Itemid=52
5. Гемпель К. Функция общих законов в истории. *Альманах «Время мира»*. 1998. Вып. 1. С. 13–26. Дата обращения: 20.06.20. Электронный ресурс: <http://abuss.narod.ru/Biblio/hempel.htm>
6. Вригт Г.Х. фон Логико-философские исследования: Избранные труды / пер. с англ. ; общ. ред. Г.И. Рузавина и В.А. Смирнова ; сост. и авт. предисл. В.А. Смирнов. Москва : Прогресс, 1986. 600 с.
7. Кукарцева М.А. Современная философия истории США. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. 215 с. Дата обращения: 20.06.20 Электронный ресурс: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/kukartzeva2_1.htm
8. Tosh J. The Pursuit of History (2010), Harlow, Pearson Education Limited. *Fifth edition*. Дата обращения: 20.06.20 Электронный ресурс: https://archive.org/stream/91288819ToshPursuitOfHistory5thEd/91288819-Tosh-Pursuit-of-History-5th-Ed_djvu.txt
9. Лебедев С.А. Три эпистемологических парадигмы: классическая, неклассическая и постнеклассическая. *Вестник Московского государственного университета. Серия: Философия науки*. 2019. Дата обращения: 20.06.20. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-epistemologicheskikh-paradigmy-klassicheskaya-neklassicheskaya-i-postneklassicheskaya>
10. Yilmaz Kaya Postmodernism and its Challenge to the Discipline of History: Implications for History Education *Educational Philosophy and Theory*, Vol. 42, № 7, 2010. Doi: 10.1111/j.1469-5812.2009.00525.x Дата обращения: 20.06.20 Электронный ресурс: https://www.academia.edu/21973338/Postmodernism_and_its_Challenge_to_the_Discipline_of_History_Implications_for_History_Education
11. Эксле О.Г. «Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки». *«Диалог со временем»*. *Альманах интеллектуальной истории* / под ред. Л.П. Репиной. Выпуск 7. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 392 с. Дата обращения: 20.06.20. Электронный ресурс: <http://abuss.narod.ru/Biblio/eksle.htm>
12. Будко В.В. Философия науки. Харьков : Консум, 2005. 268 с.
13. Brickley P.F. Postmodernism and the Nature of History. Дата обращения: 20.06.20. Электронный ресурс: https://www.academia.edu/3424534/Postmodernism_and_The_Nature_of_History.
14. Бородин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований. *Синергетика и эволюция*. Дата обращения 20.06.20 Электронный ресурс: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/poryadok-iz-chaosa/>

15. Carr, E.H. What is History? (1990) London, Penguin History, Second Edition edited by R.W. Davies. – 188 p. Дата обращения 20.06.20 Электронный ресурс: http://seas3.elte.hu/course-material/LojkoMiklos/E.H._Carr,_What_is_History,_1961.pdf

REFERENCES

1. Yaspers, K. (1991) Smysl i naznachenie istorii: Per. s nem . [The Meaning and Purpose of History] – M.: Politizdat. [in Russian].
2. Repina, L.P. (2013) Istoriograficheskaya revolyutsiya» i teoreticheskie poiski na rubezhe vekov / [«Revolution in historiography» and theoretical elaborations at the turn of the centuries] Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal «Istoriya». Vypusk 2 (18): Teoriya i metodologiya sovremennoy istoricheskoy nauki / Otv. red. L.P. Repina. [in Russian], viewed 20 July 2020, <https://www.academia.edu/11667165/Revolution_in_historiography_and_theoretical_elaborations_at_the_turn_of_the_centuries>
3. Istoriķi v poiskakh novykh perspektiv. Kollektivnaya monografiya (2019) / Pod obshchey redaktsiyey Z.A. Chekantseyov. M.: Akvilon, [Historians in the research of new perspectives] (Istoriya istorii. Shag v XXI vek [T. I] / Otv. red. serii — Z.A. Chekantseva, M.S. Petrova). [in Russian].
4. Khvostova, K.V. (2014) Sovremennaya neklassicheskaya nauchnaya paradigma i istoricheskaya nauka [Contemporary non-classical scientific paradigm and history science] // Voprosy filosofii. № 10. [in Russian], viewed 20 July 2020, <http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1031&Itemid=52 >
5. Gempel Karl (1998) Funktsiya obshchikh zakonov v istorii [The function of common laws in History] // Almanakh « Vremya mira» Vremya mira, vyp. 1. [in Russian], viewed 20 July 2020, <<http://abuss.narod.ru/Biblio/hempel.htm>>
6. Vrigt, G.X. fon (1986) Logiko-filosofskie issledovaniya. [Logical and Philosophical research] Izbr. tr.: Per. s angl. / Obshch. red. G. I. Ruzavina i V. A. Smirnova; Sost. i avt. predisl. V. A. Smirnov. – M.: Progress. [in Russian].
7. Kukartseva, M.A. (1998) Sovremennaya filosofiya istorii SSHA [Contemporary Philosophy of USA History]/Ivan. Gos. un-t. – Ivanovo: Ivan. gos. un-t. [in Russian], viewed 20 July 2020, <http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/kukartzeva2_1.htm>
8. Tosh, J. (2010) The Pursuit of History, Harlow, Pearson Education Limited. Fifth edition. [in English], viewed 20 July 2020, <https://archive.org/stream/91288819ToshPursuitOfHistory-5thEd/91288819-Tosh-Pursuit-of-History-5th-Ed_djvu.txt>
9. Lebedev, S.A. (2019) Tri epistemologicheskikh paradigmy: klassicheskaya, neklassicheskaya i postneklassicheskaya [Three epistemological paradigms: classical, non-classical, post-non-classical] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya nauki. [in Russian], viewed 20 July 2020, <<https://cyberleninka.ru/article/n/tri-epistemologicheskikh-paradigmy-klassicheskaya-neklassicheskaya-i-postneklassicheskaya>>
10. Yilmaz Kaya (2010) Postmodernism and its Challenge to the Discipline of History: Implications for History Education Educational Philosophy and Theory, Vol. 42. [in English], viewed 20 July 2020, <https://www.academia.edu/21973338/Postmodernism_and_its_Challenge_to_the_Discipline_of_History_Implications_for_History_Education>
11. Eksle, O.G. (2001) «Fakty i fiktsii: o tekushchem krizise istoricheskoy nauki» [Facts and fictions: about current crisis of historian Science] // «Dialog so vremenem». Almanakh intellektualnoy istorii. Pod red. L.P. Repinoy. Vypusk 7. M., Editorial URSS. [in Russian], viewed 20 July 2020, <<http://abuss.narod.ru/Biblio/eksle.htm>>
12. Budko, V.V. (2005) Filosofiya nauki [Philosophy of Science] Kharkov: Konsum. [in Russian].
13. Brickley, P.F. Postmodernism and the Nature of History. [in English], viewed 20 July 2020, <https://www.academia.edu/3424534/Postmodernism_and_The_Nature_of_History>
14. Borodkin, L.I. «Poryadok iz khaosa»: kontseptsii sinergetiki v metodologi istoricheskikh issledovaniy. // Sinergetika i evoluzia. [in Russian], viewed 20 July 2020, <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/poryadok-iz-xaosa/>
15. Carr, E.H. What is History? (1990) London, Penguin History, Second Edition edited by R.W. Davies. [in English], viewed 20 July 2020, http://seas3.elte.hu/coursematerial/LojkoMiklos/E.H._Carr,_What_is_History,_1961.pdf

Volovchuk Natalia Nikolaevna

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer

Ukrainian Engineering Pedagogics Academy

16, Universitetskaya str., Kharkiv, Ukraine

CLASSICAL, NON-CLASSICAL, POST-NON-CLASSICAL SCIENTIFIC PARADIGMS AND HISTORICAL SCIENCE

The urgency of the problem is due to the difficult interaction of epistemology and History. The task of the work is to establish the position of historical knowledge, and to identify the consequences of its development in order to set a certain perspective on the theoretical basis of historical science based on identifying the features of the epistemological, methodological and theoretical nature of modern historical science, taking into account the possibilities of its attribution to the classical, non-classical and post-non-classical scientific paradigms. Objectivity, consistency, specifically the historical and dialectical approach in the study became the methods of research. The author argues that the contribution of non-classical and post-non-classical science to the development of history is significant. However, the main task of historical explanation and interpretation cannot be discarded. It is a necessary approach, which is based on causal models that can overcome relativism, the limitations within the disciplinary discourse, the narrow framework of subjectivity and intertextuality. The extremes of metahistorical, modernist approaches and postmodern approaches are overcome by historicism of the XXI century. Historicism directs the historian to search in the past for an objective basis for action in the present and directs him to the universal and universally significant. The main task of the historian should be the creation of historical works that are guided by the scientific methodology common to historians, regardless of their value attitudes and orientations. Hence the importance of pluralism of historical explanations and interpretations, taking into account the specifics of historical argumentation and understanding that historical reality is not simple and accessible for superficial understanding, but complex, multifaceted and requires deep analysis.

Key words: *philosophy of history, epistemology, methodology, scientific paradigms.*